

УДК 338.246.2

doi:10.21685/2072-3024-2022-2-4

Эволюция системы мобилизации в китайскую Красную армию: от добровольчества к льготам и принуждению (1927–1934)

И. Е. Пожилов

Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Москва, Россия

pozhilov1@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В статье преимущественно на основе оригинальных китайских источников, ранее недоступных отечественной историографии, исследуются важнейшие этапы эволюции системы призыва в китайскую Красную армию в период аграрной революции на примере Центрального советского района Коммунистической партии Китая. Внимание автора сосредоточено на выявлении и анализе содержания как общей линии коммунистов в мобилизационной политике, так и специфики отдельных ее аспектов, характерных для того или иного периода развития системы. *Результаты.* Рассмотрены конкретные способы и приемы вербовки в действующие войска, равно как и сопровождавшие их настроения масс на фоне нараставших социально-экономических трудностей и лишений, связанных с революционными войнами. *Выводы.* За исключением периода зарождения, китайская Красная армия строилась на основе не добровольчества, а выгодоприобретения и принуждения; при этом идейная составляющая призыва практически не играла никакой роли.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Китая, китайская Красная армия, мобилизационная система, уклонение крестьянства от призыва

Для цитирования: Пожилов И. Е. Эволюция системы мобилизации в китайскую Красную армию: от добровольчества к льготам и принуждению (1927–1934) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 40–56. doi:10.21685/2072-3024-2022-2-4

The evolution of the recruitment system of the Chinese Red Army: from volunteering to benefits and enforcement (1927–1934)

I.E. Pozhilov

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia

pozhilov1@yandex.ru

Abstract. *Background.* The study, mainly based on original Chinese sources previously inaccessible to Russian historiography, examines the most important stages in the evolution of the enlistment system in the Chinese Red Army during the agrarian revolution using the example of the Central Soviet Region of the CPC. The author's attention is focused on identifying and analyzing the content of both the general line of the communists in the mobilization policy, and the specifics of its individual aspects, typical to a particular period of the system's development. *Results.* Specific methods and techniques of recruitment into active troops, as well as the accompanying mood of the masses on the background of growing socio-economic difficulties and hardships associated with revolutionary wars, are considered. *Conclusions.* Excluding the period of its inception, the Chinese Red Army was not built on the basis of volunteerism, but on profit and enforcement; at the same time, the ideological component of the recruitment practically did not play any role.

© Пожилов И. Е., 2022. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Keywords: the CPC (Communist Party of China), the Chinese Red Army, mobilization system, peasantry's avoidance from conscription

For citation: Pozhilov I.E. The evolution of the recruitment system of the Chinese Red Army: from volunteering to benefits and enforcement (1927–1934). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2022;(2):40–56. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2022-2-4

Неизменно высокая боеготовность вооруженных сил вне зависимости от объективной либо субъективной политической конъюнктуры есть присущая любой регулярной армии константа и один из важнейших показателей ее наступательно-оборонительного потенциала, в первую очередь основанного на мобилизационных возможностях страны. Не случайно планы развертывания войск (в частности, система призыва и комплектования, формирование оперативно-стратегических резервов и т.п.) являются документами особой важности и составляют предмет государственной тайны. Между тем столь актуальная тема как в отечественной, так и зарубежной (прежде всего китайской) историографии не получила достойного внимания, всегда занимая в соответствующих трудах в лучшем случае периферийное место, а то и по причинам неведь откуда взявшейся «традиции» подлежит умолчанию. В целом публикаций, специально посвященных теме или фрагментарно затрагивающих ее, в научной литературе континентального Китая нет, как нет их и в российском историческом дискурсе. Настоящая работа появилась исключительно благодаря ставшим в последнее десятилетие доступными китайским источникам, ранее имевшим гриф «Для служебного пользования». Они, разумеется, не поднимают завесу над всеми представляющими интерес вопросами, будучи рассеянными по страницам множества сборников различной направленности, однако же позволяют поставить проблему и сравнительно полно проанализировать большинство ее аспектов.

Китайской Рабоче-крестьянской Красной армии (КитРККА), или в национальной повседневной словесности *Хунцзюнь*, как ни парадоксально, далеко не сразу выпало стать заглавной движущей силой аграрной революции. Ровно два года от начала выступления в Наньчане войскам коммунистов потребовалось только на то, чтобы привлечь к себе внимание ревнителей химеры «всеобщего вооружения народа» в Центральный комитет (ЦК), по-прежнему пребывавших под впечатлением предсказаний Чэнь Дусю об опасности «увязнуть в военном оппортунизме» [1, с. 334–343]. Все это время красноармейским командам, кочевавшим по сельским окраинам в попытках раскатать деревню, инертную до всего и даже земельного передела, приходилось действовать самостоятельно, не надеясь на подсказки партийного центра в большинстве значимых вопросов, включая мобилизационную политику (эпизодические и зачастую визионерские предписания Шанхая не в счет).

Переломным в истории КитРККА стало Директивное письмо ЦК Коммунистической партии Китая (КПК) фронтовому комитету 4-го корпуса от 28 сентября 1929 г. («сентябрьское письмо»), подготовленное Чжоу Эньлаем на основе бесед с посетившим его Чэнь И (посланцем «армии Чжу-Мао»), а также ряда не слишком «приглаженных» докладов с мест, из которых

следовало: во-первых, если сослаться, к примеру, на донесение луньянского укома КПК Западной Фуцзяни от января 1928 г., что «несмотря на усиленную пропаганду в продвижении аграрной революции и раздачу земли, крестьяне пекутся только об одном, чтобы поскорее восстала мирная жизнь, и не найдут успокоения, пока идет революционная война» [2, с. 17–18]; во-вторых, и это напрямую вытекало из первого, что при «добровольной вербовке в *Хунцзюнь*» ее социально-классовый состав оказывался крайне далеким от надлежащего, т.е. «рабоче-крестьянского». В частности, в ударных соединениях Красной армии (4-й и 5-й корпуса) преобладали бывшие гоминьдановские солдаты, по тем или иным соображениям (из-за масштабной демобилизации в правительственных войсках чаще всего связанным с «трудоустройством» и сугубо меркантильным интересом – коммунисты платили исправней, больше и поровну¹) задумавшие перейти на сторону противника; не менее существенным источником рекрутирования в Красную армию были (и оставались до начала 1930-х гг.) самые что ни на есть «люди с большой дороги» (туфэи), знавшие кое-какой толк в военном деле и в этой связи также представлявшие собой весьма функциональный для армейцев контингент². «Всегда приветствуем их вступление в *Хунцзюнь*, она ведь у нас большая печка, все переплавит», – не без гордости сообщает Чэнь И [5, с. 786]. «Пролетарии отсутствуют вовсе, местное крестьянство, – сошлемся на другой источник, – элемент в войсках единичный» [6, с. 64]³. И это обстоятельство решительно удручало партийные органы и отчасти командование.

А в Москве как будто забыли поделиться с китайскими коллегами Резолюцией по военному вопросу VIII съезда РКП(б), в которой новелла «всенародной Красной гвардии» (по едкому выражению зампреда РВСР Э. Склянского, «потешных войск») «отбрасывается на ближайший исторический период» как «карикатурный продукт» [8, с. 78; 9, с. 40–41]. Не удосужились рассказать и о том, что заявил И. Сталин на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) и не когда-нибудь, а в знаменательный день 1 августа 1927 г.: «Крестьяне... не будут добровольно драться за социализм» [10, с. 43]⁴.

¹ Красная армия в течение первых четырех–пяти лет существования аккумулировала в своих руках и передавала в партийную кассу колоссальные денежные средства, добываемые в рейдах по экспроприации сельских мироедов и, главное, грабежом зажиточных слоев в уездных центрах и рыночных городах, именуемых *чоукуань* (в современном китайском языке адекватно понятию «фандрайзинг»). Примечательным указанием на его долю в резервах советских властей является заявление Мао Цзэдуна, сказавшего однажды: «Как свидетельствует опыт, доходы по этой статье приходов занимают подчас главное место» [3, с. 106].

² В иных опорных базах КПК туфэи составляли подавляющее большинство в частях и соединениях войск КПК. Так, в районе Хубэй-Хэнань-Аньхой о 31-й и 32-й дивизиях Красной армии крестьяне, прочувствовавшие на себе их «избыточную опеку», отзывались вполне определенно: «Это не армия, это – бандиты» [4, с. 66].

³ Крестьян отталкивало от службы в войсках КПК, разумеется, не только нежелание связываться с в общем-то чуждыми им пришельцами, чаще нарекаемыми «коммунистами-бандитами» (*гунфэй*), как это было принято в гоминьдановском дискурсе, но и их извечное местничество, вернее невыразимая привязанность к родным краям, а также патологический страх смерти или увечья на войне. По этому поводу в *Хунцзюнь*, «армии пришлых», говорили так: «Они солдаты до околицы, а дальше все равно разбегутся по домам, как ни страшай и ни уговаривай» [7, с. 316].

⁴ Анализ изоморфной природы крестьянского самосознания независимо от национальных границ представлен в знаменитой работе компаративиста-исследователя аграрных обществ Дж. Скотта [11].

Будто подтверждая из ряда вон сентенцию лидера российских большевиков, в апреле 1929 г. Мао Цзэдун, знатный протагонист обратного, как-то уж очень буднично докладывает в ЦК: «Крестьяне нинганского уезда Хунань-Цзянсийского погранрайона служить в Красной армии не желают». Чего там «не желают», если по деревне всюду гуляло: «К *Хунцзюнь* не прикасайся – чуму подцепишь!» [12, с. 60; 13, с. 174–175].

Словом, Чжоу Энлай, работая над «сентябрьским письмом», столкнулся с целым клубком жгучих вопросов военно-политического плана, но в первую очередь со стержневой проблемой, которая заключалась в «возмутительном равнодушии крестьянства к вооруженной борьбе коммунистов» и которую, забегая вперед, так и не удалось поправить в обозримом будущем [14, с. 48]. В конце 1945 г., т.е. почти двадцать лет спустя, командир и политкомиссар 3-й дивизии Народно-освободительной армии Китая (НОАК) Хуан Кэчэн, посетовав на то, что воз и ныне там, в своей записке в ЦК назовет ее армией «семи нет» – «нет партии, нет масс...» [15, с. 196].

Объявить деревню «тупоголовой» («*Хунцзюнь*, ведь она плоть от плоти ваша родная, а не – не понимают...»), хотя и подобных выпадов хватало, равнялось признанию собственной несостоятельности, поэтому искать решение следовало на путях мистификации «неразрывного единства вооруженных сил и масс» (по крестьянскому разумению, «*Хунцзюнь* – армия не своя, а партийная»). Именно Чжоу Энлай в «сентябрьском письме», предложив воскресить «секретность форм [работы] партии в войсках», первым высказался о потребности посеять в умах иллюзию полнейшего слияния крестьянства с «собственной классовой армией» [16, с. 38, 40]¹.

«Несекретная секретность» (оксюморон из армейского фольклора – «кто коммунист, а кто нет, не знают только незрячие да глухие»), против чего возражали многие из командиров и политработников², со временем выродившаяся если не только в стиль, но обыкновение в партийном сообществе поддерживать «снисходительный диалог» с беспартийной публикой, вела к еще большему нарастанию их взаимной отчужденности, с одной стороны, с другой – действительно питала ту самую призрачную переоценку консолидации масс и Красной армии, немало навредившую пугливым гоминьдановским властям и спутавшую карты наивным историкам [19, с. 188, 195]. Что же касается партийной «секретности», то ее отменили в НОАК лишь в феврале 1948 г. [20, с. 276], когда в социализации миража отпала необходимость.

«Сентябрьское письмо», как нетрудно догадаться, визировало добровольную вербовку в армию в качестве единственного способа комплектования, но «только разорившихся крестьян» (им якобы «деваться некуда»),

¹ Предполагалось, но скорее всего только декларировалось, что столь своеобразная модель партийной деятельности в Красной армии будет иметь место до «установления советской власти в нескольких погранрайонах», после чего именно она уже открыто возьмет на себя «руководство винтовкой» [17, с. 35].

² Переход армейских организаций КПК фактически в подполье не только вызвал недовольство актива, но и поставил его в весьма двусмысленное положение. Как посмеивались «нетоварищи» («товарищ» – синоним члена партии), «теперь партийным бояться нечего – попадут в плен, будут ползать на коленках и каяться наравне со всеми, де сволочи комиссары застрашали...» [18, с. 141–142]. В историографии «секретность» как одна из важнейших особенностей управления КПК армией вниманием обделена полностью, и в этой связи вне ее учета любые рассуждения о постановке политработы в НОА до провозглашения КНР следует считать не более чем досужим теоретизированием.

идеология которых «пусть глубоко непролетарская», однако по перевоспитанию пребудет в целом подходящей моменту. Кроме того, Чжоу Энлай, не взирая на великие трудности с заманиванием крестьянства в войска и не особенным желанием самих военных иметь дело с необученным новобранцем, призвал к... неуклонному «наращиванию *Хунцзюнь*»¹, что должно было превратиться и позднее превратилось «во всеобщий обязательный лозунг и в армии, и в массах» [16, с. 37]. Наконец, с сентября 1929 г. КитРККА встала под относительно бдительный контроль со стороны центрального руководства КПК, одновременно освободившись от уничижительных намеков на «пристрастие к авантюрам бандитского пошиба», хотя официально реабилитируется и получит почетное прозвание «путеводной звезды китайского народа» лишь в 1933 г. [7, с. 117–118].

Как видно из вышеотмеченного, китайская Красная армия в строго терминологическом смысле слова добровольческой не являлась, ибо подобное вооруженное формирование базируется на свободно осознанном выборе волонтера-индивида, полагающего военное служение идее единственно возможным выбором в жизненном предreshении, а не сделкой по взаимному согласию сторон в призыве на службу ради выгодоприобретения либо из безысходности жизненной ситуации. Вот почему в рассматриваемый период военным не удавалось форсировать численность сил за счет резерва, которого попросту не существовало²: приток пленных из Национальной армии имел не иначе как инцидентный характер; крестьянство «на защиту завоеваний революции» становиться не торопилось, ибо в своих ощущениях таковых не замечало³. И в целом подлинно добровольческое ядро КитРККА даже в лучшие времена не превышало 20–25 % наличного состава (что приблизительно равнялось числу членов партии в строю) [20, с. 112].

Между тем проснувшийся у Чжоу Энлая неподдельный интерес к военным делам и унаследованный в еще большей мере Ли Лисанем вызвали на местах нешуточный ажиотаж, придав зачинавшейся советизации второе дыхание, выразившееся в откровенной милитаризации идеологии, политики и практического действия коммунистов. Так, в самом начале 1930 г. советы Южной Цзянси на своем I съезде провозгласили ближайшей целью революционной борьбы «всеобщую военизацию деревни», еще ранее с призывом «вернуться лицом к оружию» обратились к товарищам фуцзяньские партийцы [23, с. 218]. Поклонение вооруженному насилию достигло такой

¹ Кампании *кохун*, т.е. «наращивания *Хунцзюнь*», с легкой руки Чжоу Энлая впоследствии станут важнейшей составляющей военной работы КПК в советских районах и истинным бедствием для тех, кому досталось в них проживать.

² Ощутимый недостаток даже тактических резервов – фатальный порок всех добровольческих армий. Как отмечает Б. Штейфон, известный военный теоретик русского зарубежья и бывший генерал Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) под командованием А. Деникина, добровольчество как форма военной организации – «тупиковый путь» развития вооруженных сил [21].

³ Имея «здоровое, земное понятие» о революции как «сиюминутном малом, но непременно *осязаемом* улучшении жизни» – в пику КПК и националистам, лелеявшим ее как самоцель, – крестьяне действительно не понимали, что такое «завоевания». Например, с полученного бедняком от новых властей и урезанного у соседа крохотного земельного надела прокормиться было невозможно, и поэтому он обычно не обрабатывался; подачек из конфискованного движимого имущества «богатеев» (как правило, хозяев среднего достатка) не хватало и на плошку риса [22, с. 67].

степени, что во многих уколах КПК «забросили работу в массах» и, засучив рукава, «взялись за формирование новых регулярных воинских частей, партизанских отрядов, красногвардейских и молодогвардейских дружин»¹. «Довоенизировались» до того, что иные из правоверных *ганьбу* – в это трудно поверить – уже не стеснялись щегольнуть эпатажным «Красная армия крепнет, компартия испускает дух» [23, с. 166].

И все же для возмещения потерь в боях и тем более удовлетворения теперь уже насущного «Наращивай *Хунцзюнь*!» волонтеров явно не хватало. Выход попытались найти в мобилизации (разумеется, «добровольной» – иначе «массы не поймут») заочно радевших за армию комсомольцев, отныне заполучавших шанс понюхать пороха наяву. Казалось бы, так и должно было быть, однако псевдобровольцы, которых предполагалось «активной пропагандой и агитацией превратить в сознательных охотников до службы», оказались не лучше крестьян². Их было не так уж много, и на «наращивание армии» это практически не повлияло; к тому же далеко не все члены «резерва партии» согласились взяться за винтовку. С отказниками вели «непримиримую борьбу»: «подвергали общественному порицанию», «позорили на собраниях», «накладывали дисциплинарные взыскания» и т.п. [20, с. 95–96]. Одновременно стартовала кампания противодействия стигматизации армии и ее прославления всеми доступными средствами, которая, несмотря на масштабы и затраченные средства, увы, к искомому результату не приводила [26, с. 112–113]. Выручал как всегда «стальной сердечник» *Хунцзюнь*, т.е. командиры и бойцы, кто начинал свой путь еще в Наньчане, Цзинганшани или Пинцзяне, кто не мыслил для себя другой стези, кроме ратного дела. Пока не начались «революционные войны»³, тягот воинской службы они, кажется, и не замечали. «Когда есть добыча, – читаем в одном из донесений политотдела 3-й армейской группы (АГ), – солдатам нравится воевать и, по их словам, “без войны скучно жить”» [23, с. 204].

Как бы то ни было, «сталь», отличаясь отвагой в бою и воодушевляя слабых духом однополчан, погоды в «породнении армии и масс» не делала, без чего поступательный процесс «отторжения территорий и их защиты» (центральное звено стратегии партии в аграрной революции) был немислим.

¹ В Красную гвардию записывали всех мужчин и женщин в возрасте от 24 до 50 лет, в Молодую гвардию – всех юношей и девушек от 16 до 23 лет, в детские отряды самообороны («легкая кавалерия») – малолеток от 8 до 15 лет. К 1934 г. в таких иррегулярных формированиях состояло около 480 тыс. человек [24, с. 161].

² Столкнувшись с очень неприятным фактом отказа многих комсомольцев служить в Красной армии, партийным функционерам пришлось формально изменить свою позицию в отношении полного фиаско с вербовкой крестьян. Отныне в оглашениях высоких партийных органов утверждалось, что «массы боятся вступать в *Хунцзюнь*» – это блеф и уловка нерадивых руководителей на местах, не способных «мобилизовать крестьянство на службу в войсках» либо «из контрреволюционных побуждений намеренно вставляющих палки в колеса добровольному призыву» [25, с. 40–41].

³ В партийных документах периода и обиходе боевые действия Красной армии по отражению карательных походов Гоминьдана (ГМД) против ЦСР назывались соответственно «первая [революционная] война», «вторая...» и т.д. Понятие «отражение похода на окружение» (*фань вэйцзяо*) использовалось редко и вошло в оборот много позже, видимо, как более «корректное» с точки зрения официоза. В частности, «четвертую войну» против ГМД инициировали сами коммунисты в стремлении упредить в развертывании группировку противника, в связи с чем очередной «карательный поход» Чан Кайши состоялся в спешке, сильно усеченном виде и по преимуществу имел оборонительный характер [27, с. 116].

Из секретной телеграммы Центрального бюро партии от 3 октября 1931 г. в ЦК КПК можно всецело в этом убедиться. Согласно документу, «полностью красным» (и это перед самым провозглашением Китайской советской республики) являлся только уезд Жуйцзинь, четыре соседних «большей частью белые», остальные – «полностью белые». Не менее примечательно, что на показатель в 20 с лишним уездов, которым привычно оперируют исследователи, коммунистам не удалось выйти даже в 1932 г., когда Центральный советский район (ЦСР) достиг максимума территориального размаха – из 18 уездов «полностью красных» всего семь [28, с. 50].

Третий поход Гоминьдана со всей очевидностью продемонстрировал неготовность Красной армии – главным образом в силу своей малой численности – и к ведению затяжных боев с превосходящими и активно маневрирующими на нескольких направлениях силами противника. В «Тезисах для пропаганды» (от 13 июня 1932 г.), составленных в штабе цзянсийского военного округа (ВО) КитРККА, отмечалось, что «в период прошлогодней войны в советском районе Цзянси не оказалось ни одного населенного пункта, куда бы не добралась белая армия» [7, с. 228]¹. Хотя и закончившийся «великой победой», провал вместе с сопутствовавшими ему ощутимыми безвозвратными потерями *Хунцзюнь* практически свел на нет определенные достижения в «наращивании армии»², затребовав новых подходов к проведению кампании.

Моральные и материальные поощрения за примерную воинскую службу использовали в *Хунцзюнь* и ранее, однако системно и на постоянной основе, а еще важнее в отношении всех военнослужащих преференции не применялись. В восполнение лакуны I Всекитайский съезд советов утвердил «Положение о льготах для Китайской рабоче-крестьянской Красной армии» («18 пунктов»), позднее конкретизированное в ряде постановлений Центрального временного правительства Советской республики. Согласно документам, красноармейцы на период службы наделялись правом на владение землей и ее обработку с помощью советской власти, освобождались (вместе с членами семьи) от всех налогов и сборов, пользовались 5 % скидкой на покупку товаров в казенных магазинах и лавках потребкооперации; раненые военнослужащие получали бесплатное лечение и послебольничный уход; инвалиды войны по увольнении из армии переводились на государственное содержание; жены и дети погибших воинов обеспечивались постоянным денежным пособием и т.д. [29, с. 80–83; 30, с. 63–65, 77–79, 92–93].

Как свидетельствуют источники, «невиданные льготы воистину всколыхнули массу отчаянной гольтыбы и бродяг», невзирая на тяготы службы и очень даже возможную гибель в боях, «кинувшихся записываться в солдаты». Один из таких «добровольцев-льготников» излагает: «Двадцать с лишним лет батрачил на угнетателей, земли не было, зерна не было... Случилось прослышать, что в Красной армии явилось много чего хорошего, и сам, никто не

¹ Японская агрессия в Дунбэе вынудила Чан Кайши в шаге от успеха свернуть наступление в ЦСР и перенаправить военные усилия на внешний фронт.

² В основном достижения обеспечивались за счет массовой сдачи в плен и присоединения к Красной армии солдат плохо подготовленных и неустойчивых в бою хунаньских провинциальных войск, участвовавших в первых двух «революционных войнах», а также путем периодически объявляемых комсомольских и партийных призывов «добровольцев» [25, с. 60–62].

ташил, записался служить. Дали земли и зерна, подкинули барахлишка от бывших хозяев, обзавелся женой; отряд помощи таким как я работал за меня в поле; ни тебе забот, ни тебе тревог» [31, с. 236].

Однако система льгот, всецело выстроенная на *чокуань* и «вычете у соседа», довольно скоро зачахла в виду оскудения бесплатных запасов процветания¹. Вместо пособий пошли в ход посулы и расписки, на полках в магазинах шаром покати, увечных предоставили самим себе, о содержании семей за казенный счет запамятовали. Тысячи домочадцев служивых, спасаясь от голода, подались в попрошайки. Кроме горечи и слез ничего другого не вызывала у красноармейцев и дарованная земля, поскольку их семьи, оставшись без мужиков, на самом деле оказались не в состоянии получать с нее урожай, поскольку, принуждаемые на общественных началах вспомоществовать им, все остальные отвечали на апелляции к «пунктам» не иначе как таким вот образом: «Тот, кто тебя заташил в *Хунцзюнь*, пускай на твоём поле и горбатится... ты там в армии рис жуешь, а мы травой не брезгуем» [7, с. 111, 138, 141]. В действительности из обширного льготного реестра остались лишь чествование отличившихся в боях и увековечивание памяти погибших героев.

Сожалению, между тем, подлежит не столько сам факт предсказуемой кончины красноармейских привилегий, сколько достойная удивления реакция власти на день ото дня иссякавший приток новобранцев, хорошо осведомленной об обвальном падении доходов от экспроприаций *Хунцзюнь* в приграничных и белых районах, а также об общем трудно скрываемом ухудшении социально-экономического положения ЦСР, и без того погрязшего в бедности и нищете. Так, оставаясь в плену конфабуляций о нерадивости/вредительстве ответственных за призыв в армию советских *ганьбу*, руководитель секретариата Центрального бюро ЦК Дэн Инчао была просто «сражена», когда на одном из массовых собраний *кохун* никто из присутствовавших после получасовой агитации не выразил желания служить в армии. И среди трехсот человек нашёлся лишь один, не побоявшийся заявить, что «желающих, думается, и не будет, так как “Положение о льготах” не выполняется» [24, с. 329].

В «Основной конституционной программе» Советской республики пришлось записать, что «решительная поддержка революционной войны и участие в ней являются обязанностью всех трудящихся масс», и предупредить ее несознательных граждан о подготовке к введению всеобщей воинской повинности [33, с. 30]. На практике пока это означало поголовную службу в военизированных формированиях, нескончаемые реквизиции у крестьянства зерна в пользу фронта, регулярные выплаты населения за «добровольно» приобретенные облигации оборонных займов, опять же «добровольные» отчисления средств на нужды *Хунцзюнь*, постоянные мобилизации

¹ Весной 1931 г. гоминьдановское командование приступило к строительству единой цепи полевых узлов обороны (блокгаузов) по правобережью р. Ганьцзян и северному обводу ЦСР вплоть до Цзяньнина (в завершённом виде ее протяженность достигла около 400 км по фронту). И Красной армии пришлось столкнуться с большими трудностями в нащупывании участков прорыва на оперативный простор. Впоследствии по мере сжатия обруча блокады (экономическая изоляция района началась много раньше) исчезла и такая возможность. Таким образом, доступ *Хунцзюнь* к источникам *чокуань* был заказан, что привело к окончательному развалу отлаженного механизма пополнения казны [32, с. 18–20].

в носильщики по требованию армейских чинов и др. (при этом около 57 % дворов имели долги и платили налоги, в совокупности превышавшие в три раза ставку по белым районам [24, с. 62]). Разумеется, в первую очередь речь шла о безусловной готовности каждого взрослого подданного мужского пола по первому зову советской власти встать на защиту революции с оружием в руках.

У сталинского высказывания о крестьянах, которые и не помышляют «драться за социализм», есть продолжение, как есть оно и у военно-мобилизационной политики КПК. А в своей речи на упомянутом пленуме Сталин сказал буквально следующее: «Наша задача – эти элементы [крестьян] перевоспитать в духе железной дисциплины, повести их за пролетариатом не только в тылу, но и на фронтах, *заставить* (выделено нами – *И. П.*) воевать за наше общее социалистическое дело» [10, с. 43]. С «перевоспитанием» у китайских товарищей, впрочем, как и у российских большевиков¹, как-то не заладилось – задача не из простейших, если учесть, что выполнялась она по ходу войны. Большевики действовали прямолинейнее и уже в мае 1918 г. ввели всеобщую воинскую повинность, позволив себе, не спрашивая о желаниях масс, силком отправлять на фронт сотни тысяч человек, тогда как в советских районах Китая, приступив в 1932 г. к принуждению в призыве, продолжали упорно цепляться за «добровольчество», в обязательном порядке «выколачивая» из новобранца согласие повоевать в «собственной классовой армии», – на едва ли не гениальный чжоуэньлаевский концепт не должно было пасть и тени сомнения [36, с. 57]².

Первейшим и очевидным для обитателей ЦСР кладезем добровольно-принудительного пополнения Красной армии виделась грандиозной толщи прослойка партийно-советской бюрократии, «расплодившейся» за годы «аграрного переворота» до невообразимых 300–400 тыс. незанятых никаким производительным трудом *ганьбу* и персонала на 2,2 млн населения района [24, с. 286–287]. Кивая на новоявленных правителей в лице местных совработников, за глаза окрещенных – и было за что – «тунеядцами и ворьем»³, массы глухо роптали: «Эх, вычистить бы красные ямы от всех этих захребетников и скопом отправить на фронт, нечего над народом измываться» [28, с. 190]. К потаенным чаяниям крестьянства присоединялись и военные, из-за традиционно неприязненных отношений с советами (именно последние ведали спецфондом земель *Хунцзюнь* и предоставлением прочих льгот красноармейцам) страстно мечтавшие поставить под ружье «зарвавшихся чинуш»⁴. Под предлогом «нерадивости и безынициативности советов в *кохун*» командиры армейских частей неединично брали на себя их функции и «сами,

¹ Федор Дан в своих мемуарах передал мрачную шутку своего собеседника, красноармейца-конвоира, о трехмиллионной армии советов в Гражданской войне: «Миллион бежит, миллион сидит, миллион ловит» [34, с. 66]. По подсчетам Г. Кривошеева, за всю войну в РККА «выявлено» 2846 тыс. дезертиров [35, с. 94].

² «Добровольчество» как единственный принцип мобилизации в вооруженные силы КПК просуществовало более четверти века.

³ В одном из отчетов с мест говорится: «В ряде деревень в советах хозяйничают бывшие *хаошэнь*, которые купили руководящие должности за деньги и как прежде удерживают власть в своих руках» [7, с. 154].

⁴ Армейцы бранились на советы: «Вы *хаошэнь* нового пошиба!»; те отвечали: «*Хунцзюнь* – сатрапы!» [37, с. 90–91].

как в старину – “вербуй солдат, покупай лошадей”, – отбирали призывников по своему усмотрению» [7, с. 11].

Для коммунистов, чем бы они ни занимались, с началом принудительного комплектования Красной армии был объявлен очередной партийный призыв¹, и многие тысячи рядовых членов КПК откликнулись, пожалуй, на самый актуальный лозунг момента: «Врагу ни пяди советской земли!». Большинство из них достойно выполнили свой долг, многие погибли в боях «пятой войны» [37, с. 114–115]. И тем не менее источники изобилуют свидетельствами уклонения от службы, распространения «пораженческих настроений», предательства и перехода к *фаньшуй* (контрреволюционной борьбе – *И. П.*) даже тех, кому по определению не полагалось искать обходных путей, когда на карту поставлена судьба революции².

Глубинных причин, мягко скажем, неприглядного поведения коммунистов в столь ответственных обстоятельствах искать не надо. Во второй половине 1927 – начале 1928 г., когда ЦК КПК развернул движение за «наращивание партии», в ее ряды – дабы «не транжирить драгоценное время» – принимали по сути всех кого не попадая и порой даже «не индивидуально, но семьями, а то и селами от мала до велика», причем «без всяких ограничительных условий для представителей трудящихся масс» (в Гуандуне, для примера, находилось и в немалом количестве целые «коммунистические деревни») [38, с. 267].

В Цзянси такие деревни не зародились, но понятно, что членам партии (не говоря отдельно о совслужащих, имевших свойство только множиться), сколько бы их ни было и каких личных качеств за ними ни водилось, взвалить на собственные плечи неподъемное бремя заполнения зияющих брешей в планах *кохун*³ возможным не представлялось. Потому основным поставщиком людских ресурсов для армии наконец выпадало стать крестьянству: к началу 1933 г. мобилизованные выходцы из деревни составляли в КПК 77 % в отличие от прежних пяти–семи [25, с. 72]. Противостоять в «пятой войне» полумиллионной хорошо обученной, оснащенной современным вооружением и, что не менее существенно, морально-психологически мотивированной группировке вторжения Гоминьдана⁴ могла лишь массовая армия, непрерывно и нарастающим темпом пополняемая людскими резервами.

¹ Согласно январской (1932) директиве ЦБ ЦК, среди пополнения должно было быть не менее 20 % членов партии. Если ранее директива не реализовывалась и на половину, то отныне за ее невыполнение предусматривались самые строгие меры наказания» [7, с. 7–8].

² В майском (1932) докладе парткома соврайона Цзянси отмечается: «В некоторых районах члены партии не хотят идти в армию, что, за исключением отдельных территорий, стало почти обычным явлением... Глядя на подобные выходки, люди порывают с партией, а массы не таясь злорадствуют, де товарищам закон не писан, ишь как шустро разбегаются кто куда, лишь бы в армию не загреметь» [7, с. 105].

³ Планы *кохун* верстались в верхах по нескольку раз в год. Так, Решением ЦК КПК о неотложных задачах партии по отражению четвертого «похода на окружение» (февраль 1933 г.) предусматривалось увеличить Красную армию до 1 млн человек. В реальности Решение оказалось выполненным лишь на четверть [39, с. 78].

⁴ Ядром правительственных войск в заключительном походе против ЦСР выступали так называемые немецкие дивизии (36, 87 и 88-я), вооруженные и обученные по стандартам германского Рейхсвера, «образцовой» армии межвоенного периода. Каждое из этих соединений, отличаясь жесточайшей дисциплиной, кратно превосходило армейский корпус *Хунцзюнь* как по численному составу, так и по огневой мощи [40, с. 32–37].

Второе хуваньское сражение в ноябре 1933 г., о котором на страницах открытых китайских изданий писать не принято, с очевидностью показало, что Красная армия уже не превосходит Национальную армию, радикально преобразившуюся за два минувших года, ни в полевой выучке, ни в стойкости духа [41, с. 53].

Словно наперед зная о проблемах, которые возникнут по ходу добровольно-принудительного призыва, ЦИК Республики в Постановлении по вопросам наращивания Красной армии от 20 сентября 1932 г. указал, что «вступление в *Хунцзюнь* есть безусловный долг всех молодых и здоровых мужчин и женщин¹, в потребное для нее время в скорейшем порядке пополняющих войска». Прочие положения документа касались мер воздействия на тех, кто «не желает вступать в армию либо находящихся в бегах», как-то: «учинение всяческих помех и трудностей в жизни и работе», а также усилия по перевоспитанию с тем, чтобы «уклоняющиеся от службы или бежавшие из армии полностью потеряли лицо и от стыда носа не казали из дома»; «поричание массами» в форме придания гласности имен отказников, запрета на участие в деятельности общественных организаций, «создания нетерпимой для них атмосферы в семье» и т.п.; нежелание служить в *Хунцзюнь* объявлялось «саботажем революции» и «помощью врагу» [30, с. 213–214]. Как в конкретных измерениях осуществлялся переход к принуждению в комплектовании войск и велась борьба с «освобожденным», но верным своим убеждениям крестьянством, показала практика.

Армейским призывом ведали комитеты *кохун* при советах разных уровней, они и занимались составлением списка подходящих кандидатов на воинскую службу («самой ужасающей» бумаги для всякого психически нормального обывателя деревни), который обсуждался и утверждался на общих сходах или «урочных» собраниях. Собрания – что здесь удивляться – с оглашения списка тут же перерастали в словесные побоища (а то и в банальный мордобой), как правило, завершавшиеся впустую. В подобных случаях на следующем выяснении отношений (именно этим оборачивалась злочастная повестка) двери запирались на засов и после дежурного приглашения «по доброй воле пойти в *Хунцзюнь*» объявлялось, что «никто с собрания не уйдет, покуда не сыщется энное количество волонтеров, вписанных в заявку». Для пущего эффекта дома отказников опечатывали, и их семьям приходилось ночевать на улице². А в уезде Жуйцзинь широко использовался такой нехитрый прием: всю деревню без изъятий объявляли «мобилизованной» в Красную армию, внедряли круговую поруку – сосед отвечал за соседа и доносил на него, если возникали подозрения; на жилища тех, кто упорствовал, прибавляли доски позора» [31, с. 88–89]³.

¹ Женщины призывались на службу только в охранные и вспомогательные части КитРККА.

² Как подчеркивается в источниках, особую роль в уговорах отлынивавших от службы парней пойти в армию играли жены, которые после соответствующей проработки властями угрожали мужьям разводом, если те не одумаются. Эта несколько оригинальная мера якобы всегда приносила успех [42, с. 225–226].

³ Ради выполнения плана по призыву низовые *ганьбу* вносили в списки «добровольцев» престарелых, больных и увечных. Так, в районе Шэнхуан из 230 призывников таковыми оказались 64 человека, в уезде Хуэйчан среди 300 в частях были забракованы 84 человека, из более 1 тыс. человек, отправленных в войска фуцзяньскими советами, отсеяли 670 [43, с. 99].

Применение бесцеремонного насилия в призыве на фоне постоянного ухудшения материального положения, приведшего к голоду и абсолютному разорению основной массы дворов, вызывало растущее недовольство крестьянства, которое прежде всего выражалось в отторжении приказной мобилизации и неповиновении властям. Единственным способом протеста в условиях тотального контроля за населением был и оставался до конца уход в горы или в белые районы, где, как минимум, «предатели отсиживались до лучших времен», как максимум, – «вступали в банды *фаньшуй* и начинали вооруженную борьбу» с режимом [44, с. 76–77, 89, 223]. К «проявлениям недовольства» крестьян, категорически отрицавших саму возможность оказаться на фронте, по мнению власть предержащих, относились получившие широкое распространение членовредительство и самоубийства. Между тем в народе к упорствующим в своем неприятии перспективы «умереть за бессмыслицу революции» относились не только с симпатией, но и называли их твердость «доблестью» [7, с. 104–105, 111]. Дабы воспрепятствовать распространению порочащих систему «слухов», в 1932 г. власти ввели цензуру почтовой переписки, и советы получили право проверять и изымать письма, «подрывающие движение по наращиванию армии»; одновременно родным и близким фронтовиков рекомендовалось отправлять им только «воодушевляющие приветы и радостные послания»¹.

Несмотря на сопротивление крестьян силовым (но «добровольным») методам призыва, с весны 1932 г. по сентябрь 1934 г. в итоге трех кампаний *кохун* только по ЦСР в Красную армию было призвано более 270 тыс. молодых и физически крепких мужчин, что означало тотальное обескровливание деревни [24, с. 78].

Однако столь впечатляющие цифры вовсе не равнялись числу попавших непосредственно на фронт. В начале 1933 г. уже внушительное по своим масштабам дезертирство из действующих войск приняло к зиме следующего года лавинообразный характер. В среднем из частей и соединений «уходило куда глаза глядят» свыше трети личного состава (вполне сопоставимо с размахом дезертирства в советской РККА в Гражданскую войну)²; задержанные заградотрядами ГУПО и отконвоированные назад, многие убегали вновь (рекордно – по шесть раз); немалому числу дезертиров удавалось добраться даже до дома и уже оттуда вновь отправляться на войну³. Если ранее за самовольное оставление части в период боевых действий полагался тюремный срок или расстрел, то с весны 1934 г., когда призывать уже было фактически некого (в деревнях выходили в поле разве что дряхлые старики и детвора),

¹ В свою очередь солдатам *Хунцзюнь* запрещалось делиться с однополчанами «плохими новостями» из родных краев, а также сообщать семьям о лишениях и потерях в войне [45, с. 96].

² Апофеозом развала советского «добровольчества» и крушения мифа о «непобедимой Красной армии» стала «сянцзянская катастрофа», когда при прорыве 4-й полосы блокадного кольца в Хунани войска оставили чуть менее 30 из 80 тыс. человек, и по случаю чего Бо Гу чуть было не покончил с собой [14, с. 216].

³ В 1933 г. дезертирство заставило власти инициировать кампанию «за возвращение в армию», в ходе которой в общих чертах повторялись процедуры и способы призыва. Чаще всего поставленные перед угрозой уголовного наказания (как правило, чисто условной), бежавшие с фронта солдаты не без уговоров «добровольно» возвращались на службу, при этом совсем не исключая попыток вновь испытать удачу и остаться в живых [7, с. 143].

дезертир превратился в фигуру неприкасаемую и все последующие его проводы на фронт обставлялись с не меньшей помпой, чем первичные [46, с. 233].

Переполнение армии необученными и «трясущимися от страха» крестьянами («бежали с позиций, не вступая в схватку с врагом») [47, с. 74], с одной стороны, а с другой – колоссальные потери в героически сражавшемся «старом» кадровом составе самым пагубным образом повлияли на боеспособность Красной армии, неуклонно отступавшей под натиском противника вплоть до «бегства на запад» (*сицзуань*), как на ту пору массы называли эвакуацию коммунистов из ЦСР, или «великого похода», как придумал именовать предприятие Чжу Дэ.

Вместо заключения следует сказать, что поиском ключей, открывавших замок к устройству боеспособной, повинующейся приказу армии и в первую очередь мобилизационным технологиям, китайские товарищи занимались в опоре на собственные представления. И нередко, вместо того чтобы воспользоваться слепком с оригинала (опыт российских большевиков), тратились усилия на формовку его дериватов – не хуже, но и не лучше. При этом в обоих случаях идейная рамка не играла той сказочно утрированной роли, что ей со временем была прописана в анналах. «Армию можно принудить преследовать коммунистические цели, – подчеркивал в своей знаменитой статье “Фронт и тыл” (опубликована в июньских номерах “Правды” за 1919 г.) один из подлинных организаторов РККА В. Трифонов, – но ее нельзя строить по-особенному, по-коммунистически» [48, с. 103].

Список литературы

1. Пожилов И. Е. «Сначала партия, армия потом»: как в КПК выполняли наказ Чэнь Дусю // Общество и государство в Китае. Т. XLIX, ч. 1. М., 2019. С. 334–343.
2. Документы по истории революции в Фуцзяни. 1928–1931 гг. Фучжоу, 1985. 266 с. [На китайском языке].
3. Кара-Мурза Г. Экономическая политика китайских советов // Проблемы экономики. 1935. № 3. С. 94–112.
4. Документы по истории революции в советском районе Хубэй-Хэнань-Аньхой : в 10 т. Пекин, 1985. Т. 4. 356 с. [На китайском языке].
5. Избранные документы ЦК КПК : в 50 т. Пекин, 1989. Т. 5. 835 с. [На китайском языке].
6. Сюн Шоуци. Доклад о положении в 4-м корпусе Красной армии за июль 1929 – апрель 1930 гг. // Документы партии. 1999. № 2. С. 55–73. [На китайском языке].
7. Сборник документов по истории революции в Цзянси. 1929 г.; 1931 г.; 1932 г.; 1933–1934 гг. Наньчан, 1992. 624 с. [На китайском языке].
8. Гостев И. Н. Советская власть и Красная Армия в 1918–1920 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 154 с.
9. КПСС о Вооруженных силах Советского Союза. Документы. 1917–1968. М., 1969. 471 с.
10. Сталин И. В. Сочинения : в 18 т. М., 1949. Т. 10. 376 с.
11. Scott J. C. Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven, 1976. 246 p.
12. Мао Цзэдун. Военные произведения Мао Цзэдуна : в 6 т. Пекин, 1993. Т. 1. 296 с. [На китайском языке].
13. Чэнь Дэцзюнь. Революция в сельском обществе. Шанхай, 2004. 381 с. [На китайском языке].

14. За Мао Цзэдуном к завоеванию Поднебесной : в 4 т. Чанша, 2009. Т. 1. 306 с. [На китайском языке].
15. Хуан Кэчэн о себе. Пекин, 1994. 285 с. [На китайском языке].
16. Избранные произведения Чжоу Эньлая : в 2 т. Пекин, 1997. Т. 1. 439 с. [На китайском языке].
17. Особенности КПК как революционной партии с точки зрения структурного функционализма // Партийно-исторический обзор. 2004. № 7. С. 31–37. [На китайском языке].
18. Исследовательские материалы по истории партии : в 12 т. Чэнду, 1985. Т. 5. 297 с. [На китайском языке].
19. Ван Донянь. История национальной революции в войнах: усмирение мятежа коммунистов : в 3 т. Тайбэй, 1982. Т. 1. 298 с. [На китайском языке].
20. Материалы по истории политработы в войсках : в 13 т. Пекин, 1982. Т. 3. 405 с. [На китайском языке].
21. Штейфон Б. А. Кризис добровольчества. Прага, 1928. 131 с.
22. Гао Юйхань. Всем смертям на зло. Чэнду, 1946. 166 с. [На китайском языке].
23. Избранные материалы по истории Центральной революционной опорной базы : в 2 т. Наньчан : Цзянси жэньминь чубаньшэ, 1982. Т. 1. 312 с. [На китайском языке].
24. Хуан Даосюань. Революция в Центральном советском районе. Пекин, 2011. 483 с. [На китайском языке].
25. Ван Ци. Движение КПК за «наращивание Красной армии» в период ЦСР. Пекин, 2014. 123 с. [На китайском языке].
26. Избранные материалы по истории пропагандистской работы в Центральном советском районе. Пекин, 2018. 284 с. [На китайском языке].
27. Избранные военные произведения Чжу Дэ. Пекин, 1997. 867 с. [На китайском языке].
28. Избранные материалы по культуре и истории Синго : в 3 т. Наньчан, 1984. Т. 3. 177 с. [На китайском языке].
29. Программные документы китайских советов. М., 1935. 101 с.
30. Избранные документы Центрального правительства Китайской советской республики. Наньчан, 1981. 442 с. [На китайском языке].
31. Материалы по истории революции в Хуанпи. Наньчан, 1978. 276 с. [На китайском языке].
32. Фу Чанлин. Гоминьдановская стратегия блокгаузов и Центральный советский район в период «походов на окружение» // Мир партийной истории. 2013. № 9. С. 16–22. [На китайском языке].
33. Советские районы Китая. Законодательство. 1931–1934. М., 1977. 139 с.
34. Дан Ф. И. Два года скитаний: воспоминания лидера российского меньшевизма. 1919–1921. М., 2006. 221 с.
35. Кривошеев Г. Ф. О дезертирстве в Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2001. № 6. С. 92–97.
36. Чжан Мин. Тайна Великого похода Красной армии // XXI век. 2007. № 2. С. 54–59. [На китайском языке].
37. Материалы по истории Центральной революционной опорной базы. Партийная система. Пекин, 2011. [На китайском языке].
38. Документы по истории революции в Гуандуне. Гуанчжоу, 1983. 223 с. [На китайском языке].
39. Ван Ляньхуа. Мобилизация и контрмобилизация: движение «кохун» в Центральном советском районе // Научный журнал Хубэйского института управления. 2011. № 3. С. 76–81. [На китайском языке].
40. Бу Мин. Немецкие военные советники в Китае // Военная история. 2005. № 3. С. 32–37. [На китайском языке].

41. Архивный сборник по истории революции в погранрайоне Фуцзянь-Гуандун-Цзянси. Пекин, 1997. 343 с. [На китайском языке].
42. Избранные материалы периодической печати Центрального советского района. Наньчан, 2018. 317 с. [На китайском языке].
43. Избранные статьи по исследованию советских районов. Пекин, 2012. 282 с. [На китайском языке].
44. Избранные материалы по истории революционной опорной базы Хунань-Цзянси : в 4 т. Наньчан, 1984. Т. 1. 319 с. [На китайском языке].
45. Цай Сяогань. Воспоминания о советском районе Цзянси и бегстве на запад Красной армии. Тайбэй, 1970. 184 с. [На китайском языке].
46. Воспоминания о Центральном советском районе. Наньчан, 1981. 333 с. [На китайском языке].
47. Чжан Хунцин, Сяо Вэньян. Крестьянский характер и способы КПК по мобилизации деревни // Стратегия и управление. 2012. № 5. С. 71–80. [На китайском языке].
48. Трифонов Ю. Отблеск костра. М., 1989. 190 с.

References

1. Pozhilov I.E. "First the party, then the army": how the CPC carried out the order of Chen Duxiu. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. T. XLIX, ch. 1 = Society and state in China. Volume 49, part 1.* Moscow, 2019:334–343. (In Russ.)
2. *Dokumenty po istorii revolyutsii v Futszyani. 1928–1931 gg. = Documents on the History of the Fujian Revolution. 1928–1931.* Fuchzhou, 1985:266. (In Chin.)
3. Kara-Murza G. Economic policy of Chinese councils. *Problemy ekonomiki = Economic issues.* 1935;(3):94–112. (In Russ.)
4. *Dokumenty po istorii revolyutsii v sovetskom rayone Khubey-Khenan'-An'khoy: v 10 t. = Documents on the history of the revolution in the Soviet region of Hubei-Henan-Anhui: in 10 volumes.* Pekin, 1985;4:356. (In Chin.)
5. *Izbrannye dokumenty TsK KPK: v 50 t. = Collected documents of the CPC Central Committee: in 50 volumes.* Pekin, 1989;5:835. (In Chin.)
6. Syun Shoutsu. Report on the situation in the 4th Corps of the Red Army for July 1929 – April 1930. *Dokumenty partii = Party documents.* 1999;(2):55–73. (In Chin.)
7. *Sbornik dokumentov po istorii revolyutsii v Tszyansi. 1929 g.; 1931 g.; 1932 g.; 1933–1934 gg. = Collection of documents on the history of the revolution in Jiangxi. 1929; 1931; 1932; 1933–1934.* Nan'chan, 1992:624. (In Chin.)
8. Gostev I.N. Soviet power and the Red Army in 1918–1920. PhD dissertation. Moscow, 2010:154. (In Russ.)
9. *KPSS o Vooruzhennykh silakh Sovetskogo Soyuz. Dokumenty. 1917–1968 = CPSU on the Armed Forces of the Soviet Union. The documents. 1917–1968.* Moscow, 1969:471. (In Russ.)
10. Stalin I.V. *Sochineniya: v 18 t. = Essays: in 18 volumes.* Moscow, 1949;10:376. (In Russ.)
11. Scott J.C. *Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia.* New Haven, 1976:246.
12. Mao Tzedun. *Voennye proizvedeniya Mao Tzeduna: v 6 t. = Military works of Mao Zedong: in 6 volumes.* Pekin, 1993;1:296. (In Chin.)
13. Chen' Detszyun'. *Revolutsiya v sel'skom obshchestve = Revolution in rural society.* Shankhay, 2004:381. (In Chin.)
14. *Za Mao Tzedunom k zavoevaniyu Podnebesnoy: v 4 t. = Follow Mao Zedong to the conquest of the Celestial Empire: in 4 volumes.* Chansha, 2009;1:306. (In Chin.)
15. *Khuan Kechen o sebe = Juan Quechen about himself.* Pekin, 1994:285. (In Chin.)
16. *Izbrannye proizvedeniya Chzhou En'laya: v 2 t. = Selected works of Zhou Enlai: in 2 volumes.* Pekin, 1997;1:439. (In Chin.)

17. Features of the CPC as a revolutionary party from the point of view of structural functionalism. *Partiyno-istoricheskiy obzor* = *Party-historical overview*. 2004;(7):31–37. (In Chin.).
18. *Issledovatel'skie materialy po istorii partii: v 12 t.* = *Research materials on the history of the party: in 12 volumes*. Chendu, 1985;5:297. (In Chin.).
19. Van Donyan'. *Istoriya natsional'noy revolyutsii v voynakh: usmirenje myatezha kommunistov: v 3 t.* = *The history of the national revolution in wars: the suppression of the rebellion of the communists: in 3 volumes*. Taybey, 1982;1:298. (In Chin.).
20. *Materialy po istorii politraboty v voyskakh: v 13 t.* = *Materials on the history of political work in the troops: in 13 volumes*. Pekin, 1982;3:405. (In Chin.).
21. Shteyfon B.A. *Krizis dobrovol'chestva* = *Crisis of volunteering*. Praga, 1928:131. (In Russ.).
22. Gao Yuykhan'. *Vsem smertyam na zlo* = *To spite all deaths*. Chendu, 1946:166. (In Chin.).
23. *Izbrannye materialy po istorii Tsentral'noy revolyutsionnoy opornoy bazy: v 2 t.* = *Selected materials on the history of the Central Revolutionary Support Base: in 2 volumes*. Nan'chan: Tszyansi zhen'min' chuban'she, 1982;1:312. (In Chin.).
24. Khuan Daosyuan'. *Revolutsiya v Tsentral'nom sovetskom rayone* = *Revolution in the Central Soviet Region*. Pekin, 2011:483. (In Chin.).
25. Van Tsi. *Dvizhenie KPK za «narashchivanie Krasnoy armii» v period TsSR* = *The CPC movement for the “building up of the Red Army” in the period of the TSSR*. Pekin, 2014:123. (In Chin.).
26. *Izbrannye materialy po istorii propagandistskoy raboty v Tsentral'nom sovetskom rayone* = *Selected materials on the history of propaganda work in the Central Soviet region*. Pekin, 2018:284. (In Chin.).
27. *Izbrannye voennye proizvedeniya Chzhu De* = *Selected military works of Zhu De*. Pekin, 1997:867. (In Chin.).
28. *Izbrannye materialy po kul'ture i istorii Singo: v 3 t.* = *Selected materials on the culture and history of Shingo: in 3 volumes*. Nan'chan, 1984;3:177. (In Chin.).
29. *Programmnye dokumenty kitayskikh sovetov* = *Program Documents of the Chinese Councils*. Moscow, 1935:101. (In Russ.).
30. *Izbrannye dokumenty Tsentral'nogo pravitel'stva Kitayskoy sovetskoy respubliki* = *Selected Documents of the Central Government of the Chinese Soviet Republic*. Nan'chan, 1981:442. (In Chin.).
31. *Materialy po istorii revolyutsii v Khuampi* = *Materials on the history of the revolution in Huangpi*. Nan'chan, 1978:276. (In Chin.).
32. Fu Chanlin. The Kuomintang strategy of blockhouses and the Central Soviet region during the period of “encirclement campaigns”. *Mir partiynoy istorii* = *Party history world*. 2013;(9):16–22. (In Chin.).
33. *Sovetskie rayony Kitaya. Zakonodatel'stvo. 1931–1934* = *Soviet regions of China. Legislation. 1931–1934*. Moscow, 1977:139. (In Russ.).
34. Dan F.I. *Dva goda skitaniy: vospominaniya lidera rossiyskogo men'shevizma. 1919–1921* = *Two years of wandering: memoirs of the leader of Russian Menshevism. 1919–1921*. Moscow, 2006:221. (In Russ.).
35. Krivosheev G.F. About desertion in the Red Army. *Voenno-istoricheskiy zhurnal* = *Military history journal*. 2001;(6):92–97. (In Russ.).
36. Chzhan Min. The secret of the Great campaign of the red army. *XXI vek* = *The 21st century*. 2007;(2):54–59. (In Chin.).
37. *Materialy po istorii Tsentral'noy revolyutsionnoy opornoy bazy. Partiynaya Sistema* = *Materials on the history of the Central Revolutionary Support Base. Party System*. Pekin, 2011. (In Chin.).
38. *Dokumenty po istorii revolyutsii v Guandune* = *Documents on the history of the revolution in Guangdong*. Guanchzhou, 1983:223. (In Chin.).

39. Van Lyan'khua. Mobilization and countermobilization: the movement of "cohong" in the Central Soviet region. *Nauchnyy zhurnal Khubeyskogo instituta upravleniya = Scientific Journal of the Hubei Institute of Management*. 2011;(3):76–81. (In Chin.).
40. Bu Min. German military advisers in China. *Voennaya istoriya = Military history*. 2005; (3):32–37. (In Chin.).
41. *Arkhnivnyy sbornik po istorii revolyutsii v pogranrayone Futszyan'-Guandun-Tszyansi = Archival collection on the history of the revolution in the border region of Fujian-Guangdong-Jiangxi*. Pekin, 1997:343. (In Chin.).
42. *Izbrannye materialy periodicheskoy pechati Tsentral'nogo sovetskogo rayona = Selected materials of the periodical press of the Central Soviet region*. Nan'chan, 2018:317. (In Chin.).
43. *Izbrannye stat'i po issledovaniyu sovetskikh rayonov = Selected articles on the study of Soviet regions*. Pekin, 2012:282. (In Chin.).
44. *Izbrannye materialy po istorii revolyutsionnoy opornoy bazy Khunan'-Tszyansi: v 4 t. = Selected materials on the history of the revolutionary stronghold of Hunan-Jiangxi: in 4 volumes*. Nan'chan, 1984;1:319. (In Chin.).
45. Tsay Syaogan'. *Vospominaniya o sovetskom rayone Tszyansi i begstve na zapad Krasnoy armii = Memories of the Soviet region of Jiangxi and the flight to the west of the Red Army*. Taybey, 1970:184. (In Chin.).
46. *Vospominaniya o Tsentral'nom sovetskom rayone = Memories of the Central Soviet Region*. Nan'chan, 1981:333. (In Chin.).
47. Chzhan Khuntsin, Syao Ven'yan'. The Peasant Character and the CPC's Ways to Mobilize the Village. *Strategiya i upravlenie = Strategy and management*. 2012;(5):71–80. (In Chin.).
48. Trifonov Yu. *Otblesk kostra = Campfire reflection*. Moscow, 1989:190. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Игорь Евгеньевич Пожилов

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр новейшей истории Китая, Институт Дальнего Востока Российской академии наук (Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, 32)

E-mail: pozhilov1@yandex.ru

Igor E. Pozhilov

Candidate of historical sciences, leading researcher, Center of modern history of China, Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Science (32 Nahimovskiy avenue, Moscow, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 15.11.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.01.2022

Принята к публикации / Accepted 10.02.2022